

Н.Н. Воронцов и КЮБЗ

Г.Г. ДЕРВИЗ

В мемуарной публикации повествуется о жизни известного ученого Н.Н. Воронцова. Автор сосредоточил внимание на начальном периоде жизни — участии в кружке юных биологов Московского зоопарка. В воспоминаниях много говорится о личностных качествах Н.Н. Воронцова, о его любви к природе, и его жизненной позиции. Автор вспоминает Н.Н. Воронцова в экспедициях, в разных жизненных ситуациях, описывает жизнь ученого в последние годы, когда тот был тяжело болен.

Ключевые слова: Н.Н. Воронцов, история биологии, воспоминания, кружок юных биологов Московского зоопарка.

В душе мы будем КЮБЗовцы всегда.

Из гимна КЮБЗа

Есть люди, личная связь с которыми не прерывается в течение многих лет, несмотря на внешние обстоятельства, мешающие регулярным контактам. Друзья разъезжаются по разным городам, расходятся профессиональные пути, времени для встреч становится мало. Однако взаимный интерес и привязанность остается на всю жизнь. Так было и у нас с Николаем Николаевичем Воронцовым. Мне кажется, что наша дружба особенно ценна отсутствием профессиональных и служебных отношений. Он — биолог-эволюционист, эколог, а я — художник, работающий в архитектуре. Но у нас было общее отрочество в трудные сороковые годы и сходные увлечения в молодости. И был КЮБЗ — кружок юных биологов Московского зоопарка, который во многом сформировал наше мироощущение.

Я не буду здесь писать о Воронцове как о крупном ученом, общественном деятеле, политике, члене нескольких Академий (!), парламентарии и министре. Это наверняка сделают его коллеги-ученые, соратники по общественным организациям, сотрудники и ученики. Я же постараюсь вспомнить о нем просто как о человеке — с точки зрения старого знакомого и во многом единомышленника.

Впервые я узнал Колю Воронцова в 1947 г., когда он пришел в КЮБЗ, где я к тому времени был председателем. Это был интеллигентный мальчик, худой и довольно высокий, особенно по сравнению с общей массой заморышей военного времени. Под стать его росту был в кружке тогда только Алеша Яблоков, с которым Воронцова и в дальнейшем связывали близкие профессиональные и личные отношения. У Коли было красивое белое лицо, роскошная темная шевелюра и слегка прищуренные из-за близорукости глаза. Это придавало ему несколько высокомерный вид и в то же время подчеркивало незащищенность и наивность. В КЮБЗе Коля почему-то ходил в морской военной фуражке и морском кителе. При этом брюки ему всегда были коротки и над ботинками были видны тонкие голени. Теперь я понимаю, что Николай в это время быстро рос, а новую одежду взять было негде и не на что. Мы все тогда носили, как говорится, «черт знает что», но это абсолютно не сказывалось на нашем самоощущении. В этом возрасте Воронцов был похож, я бы сказал, на породистого щенка крупной собаки, с длинными ногами и большими лапами, а может быть, на еще не совсем оперившегося птенца с тонкой шеей.

По поведению Коля не совсем вписывался в нашу более взрослую анархичную компанию. В отличие от нас он не бредил охотой, не принимал участия в сумасбродных мероприятиях вроде хождения в старые каменоломни и пещеры на реке Пахре или в зимних ночевках в лесу. Уже в то время его отличал, я бы сказал, академический склад ума — недаром впоследствии в КЮБЗе у него была кличка «Академик». Несмотря на это, в полевых выездах с П.П. Смолиным он участвовал и проявлял к ним большой интерес. На то, что Коля учился в музыкальной школе по классу скрипки, мы особенного внимания не обращали, а он этого не афишировал. Наверное, занятия музыкой отнимали у него много времени и отвлекали от наших «похождений». Но, с другой стороны, именно КЮБЗ, в огромной степени повлиявший на формирование Воронцова как личности и углубивший его интерес к природе, повинен в том, что во взрослой жизни он стал не скрипачом, а биологом.

Рис. 1. Н.Н. Воронцов с семьей. Пос. Комарово, побережье Финского залива, 1957 г.
(фотография из личного архива Е.А. Ляпуновой)

Fig. 1. N.N. Vorontsov with his family. Komarovo village, the coast of the Gulf of Finland, 1957
(photo from the personal archive of E.A. Lyapunova)

Коля отдавал себе отчет в той важной роли, которую сыграл КЮБЗ в его жизни. Уже будучи крупным ученым и руководителем экспедиции, он как-то во время застольной беседы признался, что больше всего в жизни хотел бы стать председате-

лем КЮБЗа. На что его ученик, Сергей Ивницкий, молодой зоолог, юноша острому и в меру ехидный, заметил: «Вы, Николай Николаевич, может быть, будете академиком, министром (как в воду глядел!), даже лауреатом Нобелевской премии (о сенаторах тогда разговора быть не могло), но вот... председателем КЮБЗа вы уже никогда не станете». При этом надо заметить, что за столом присутствовало два бывших председателя КЮБЗа, и одним из них был этот самый «дерзкий» юноша. Приведенный эпизод характеризует отношение Коли к КЮБЗу и ту веселую, ироничную и глубоко демократичную обстановку, которая царила в его экспедиции.

Во время нашего пребывания в КЮБЗе Коля относился к младшему поколению кружковцев, и разница в возрасте сказывалась заметно. Но, как обычно бывает в жизни, со временем эта разница совершенно стерлась. А если говорить о достигнутом положении, то оно сменилось, пожалуй, на противоположное. Но при этом интерес друг к другу только возрос. Мы дружили с Воронцовыми семьями, участвовали в его экспедициях, и я часто навещал Колю уже в печальный период его тяжелой болезни. Приходил к нему, прикованному к постели, пытался «разговорить» его, вселить в него по возможности бодрость. Не знаю, удавалось ли это мне. Ну, как говорится, «дай Бог!».

Каким же в моей памяти остался Николай Воронцов? Как я его могу оценить со своей точки зрения? Что наиболее характерно для него?

Мне кажется, что прежде всего это широта интересов, любопытство ко всему в жизни. Кроме того, разносторонняя одаренность и, пожалуй, артистизм. И еще ему всегда была свойственна активная жизненная позиция. Все эти черты проявились очень рано, даже не в юности, а в отрочестве. Чтобы не быть голословным, я проиллюстрирую это эпизодами из нашей продолжительной дружбы.

Еще в детстве Коля снимался в профессиональном кино, а потом кончил школу Гнесиных по классу скрипки. Кончив биофак и поступив в аспирантуру, он выдержал вступительные экзамены по вокалу в консерваторию. Благодаря врожденному артистизму его речь была живой, яркой и увлекательной. В сочетании с многообразными познаниями, живым интересом к людям и хорошо поставленным голосом это делало его несравненным рассказчиком и собеседником. Эти же качества позволили Николаю стать прекрасным лектором. Еще не достигнув тридцатилетнего возраста, он читал очень популярный курс общей биологии на медико-биологическом факультете 2-го Мединститута. Затем были лекции в Новосибирске, Владивостоке, в Гарвардском университете (США). И я очень сожалею, что он так и не был судьбой допущен на роль профессора биофака Московского университета. Жаль... На этом много потеряло студенчество биофака, а Коля не реализовал полностью свои огромные потенциальные возможности.

Воронцову была свойственна необычайная трудоспособность. Об этом говорит обширный список написанных им научных и научно-популярных трудов. Причем мне кажется, что процесс работы доставлял ему истинное удовольствие. Помню, как в экспедиции иногда, пока молодежь разбивает лагерь, ставит палатки, готовит нехитрую пищу, Коля уже сидит на складном алюминиевом стуле за таким же столом и что-то пишет. При этом он не выпадает из жизни окружающего его лагеря и держит ее в поле своего зрения. Или за завтраком на даче он с радостью сообщает, что утром уже написал тезисы лекций, которые должен отослать в Штаты. Он писал массу мелких статей, сообщений и заметок в различные журналы, пробовал свои силы в художественно-мемуарной литературе, и это иногда, наверно, мешало его

работе над фундаментальными научными трудами. Его последняя книга «Развитие эволюционных идей в биологии», выхода из печати которой он так страстно ждал, — пример замечательно полного подбора иконографии ученых и иллюстраций. Казалось бы, главное — это текст. Но Николай считал необходимым самому найти полный зрительный ряд для своих мыслей. И сделав это, он испытывал творческое удовлетворение. Тут сказывалась его эрудиция, разносторонность интересов и энциклопедичность. В этом отношении на Колю большое влияние, наверно, оказал его первый учитель кубзовских времен — Петр Петрович Смолин. Это был замечательный педагог, натуралист, наделенный богатейшими знаниями, готовый ответить на любой вопрос своих воспитанников, касалось ли это ботаники, орнитологии, собаководства, фенологии или эволюционного учения.

Непосредственно с этим связано особенно теплое и уважительное отношение Николая ко всем его учителям, замечательным биологам старшего поколения. И надо справедливости ради отметить, что многие из них отвечали ему взаимным чувством. Воронцов потратил много времени, сил и энергии, чтобы вернуть доброе имя ученым, пострадавшим в годы лысенковщины. По его инициативе многие из них были реабилитированы и награждены государством.

Николай был добрым человеком. Он старался многим помочь, когда имел для этого возможности. Он хлопотал о присуждении бессребреннику Смолину почетного звания, стремился улучшить бытовые условия наблюдателей заповедников Дальнего Востока. И надо было видеть, как обрадовался и растрогался он, когда узнал, что мне присвоили звание заслуженного художника. К его доброте я отношусь и такой эпизод из экспедиционной жизни. Коля взял себе в спальный мешок молодого сурка с поврежденной лапкой, пожалев бедное животное, а неблагодарный сурчонок его укусил. Мне думается, что эта душевная доброта позволила Воронцову создать дружную семью. Он с необычайной теплотой относился к своим двум дочкам, а потом с некоторой, я бы сказал, даже сентиментальной нежностью к милым внукам.

Рис. 2. Н.Н. Воронцов и Е.А. Ляпунова. Ленинград, Елагин остров, 1958 г.
(фотография из личного архива Е.А. Ляпуновой)

Fig.2. N.N. Vorontsov and E.A. Lyapunova. Leningrad, Yelagin Island, 1958
(photo from the personal archive of E.A. Lyapunova)

При всей своей увлеченности теоретическими вопросами биологии Коля до конца своих дней оставался натуралистом, бесконечно влюбленным в природу, в окружающий мир. Куда бы он ни ездил: по нашей стране или в экзотические края, он отовсюду привозил в зоологические музеи свои сборы. Даже больной, Николай оживал, попадая на природу, и проявлял интерес ко всему вокруг. Когда мы его возили в кресле-каталке по больничному парку, он все замечал, будь то сойка или сорока, белка или бабочка-крапивница. «Поставьте меня у лавочки, сами посидите, а я посмотрю», — говорил он нам с Лялей. И было видно, как он через природу возвращается к жизни, в нем пробуждается интерес к окружающему миру. Николай очень любил свою дачу, выстроенную его женой Еленой Алексеевой Ляпуновой в пос. Мозжинка близ Звенигорода. Они мечтали там жить в окружении природы и среди книг богатейшей библиотеки. Книги и журналы тоже были страстью Воронцова. И он всегда приглашал своих друзей на эту дачу. Помню, как он позвонил мне оттуда и с радостью сообщил: «Гришка, я уже на даче, переезд прошел благополучно, меня водрузили на балкон, кругом зелень, ветки почти рукой достать, запел зяблик и, знаешь, — я заплакал!» Это было, когда он после тяжелейшего состояния вернулся к жизни.

Николай по своей сущности был человеком очень активным. И этим он, мне кажется, раздражал некоторых людей. Он не держал длительной паузы, а всегда начинал сразу действовать. Когда он появился в КЮБЗе, то вместе с Сергеем Розановым и его братом начал энергично организовывать там комсомольскую ячейку. Мы, военное кюбзовское поколение, почему-то не состояли в комсомоле, а Колины сверстники уже фактически поголовно были им «охвачены». На мой недоуменный вопрос, зачем ему комсомольская организация в КЮБЗе (организации традиционно аполитичной), он объяснил мне, что больше всего хочет сняться с комсомольского учета в школе. Эта активность подчас мешала Воронцову. Помню, как сидя за рулем «жигулей», он увидел впереди самосвал, едущий со спущенным задним колесом. Коля догнал грузовик и, поравнявшись с кабиной, сбавил ход, чтобы сказать шоферу-солдату, что тот едет на обочине и погубит покрышку. Но в это время ехавшая за Николаем «Волга» с неопытным водителем, не успев затормозить, ударила «жигули». За это Колю временно лишили прав, а машину пришлось ремонтировать. Но самым замечательным во всем этом было, как прокомментировал ситуацию прибывший инспектор ГАИ: «Всегда-то вы так, интеллигенты, все-то вам надо, зачем вам надо было предупреждать солдата, принимать участие в судьбе посторонней машины, ехали бы себе мимо и не создавали аварийной ситуации». Но и дальше в жизни Коля не мог «проезжать мимо» и не «принимать участия». И эта активность то помогала, то подводила его.

Воронцова интересовали разнообразные вещи. Он изучал историю, собирал сведения о своем происхождении, о жизни родителей, считал важным сохранение архивов.

Я помню, как он стремился побывать в деревне под г. Старицей, откуда родом был его отец. Как-то весной мы предприняли попытку на его машине попасть в эту деревню. По весеннему бездорожью нам это не удалось сделать. Зато мы добрались до имения моего деда, в прошлом председателя Тверской губернской земской управы, близ Твери, и вчетвером прожили два дня в деревне у стариков, которые его еще помнили. Николай с большим интересом расспрашивал их о истории края и их жизни и с нескрываемым удовольствием слушал их. Погода была чудесная, и мы,

Рис. 3. Н.Н. Воронцов в Приэльбрусье. 1968 г.
(фотография из личного архива Е.А. Ляпуновой)

Fig. 3. N.N. Vorontsov in the Elbrus region. 1968
(photo from the personal archive of E.A. Lyapunova)

Рис. 4. Н.Н. Воронцов со студентами Кабардино-Балкарского государственного университета. Приэльбрусье, 1969 г. (фотография из личного архива Е.А. Ляпуновой)

Fig. 4. N.N. Vorontsov with students of the Kabardino-Balkarian State University. Elbrusie, 1969
(photo from the personal archive of E.A. Lyapunova)

на ходу пересмотрев свой маршрут, через г. Старицу, с. Грузины и г. Торжок вернулись в Москву, проехав по «Пушкинскому кольцу», знакомясь со всеми памятниками архитектуры и историческими местами. Коля был совершенно захвачен всем увиденным, несмотря на то, что все время сидел за рулем. Впоследствии он все-таки побывал на родине отца. Будучи в экспедициях в Средней Азии и на Кавказе, Воронцов не ограничивался зоологическими исследованиями. Он обязательно в городах посещал художественные музеи, в Тбилиси — кукольный театр марионеток, осматривал национальные достопримечательности. Он интересовался искусством мастеров-чеканщиков медной посуды и собрал хорошую коллекцию их произведений. Так как примерно в это время я серьезно занимался вопросами традиционного народного искусства бывшего СССР, Коля советовался со мной. Он показывал мне свои находки. Держать в руках и созерцать подлинные вещи мастеров-кустарей, созданные вручную и покрытые «патиной азиатской истории», доставляло ему истинное удовольствие. Уже совсем незадолго до кончины Николай попросил меня собрать и отреставрировать керамический поливной полихромный изразец, привезенный им из Узбекистана, говоря, что он бы хотел видеть его на стене, лежа в постели. Коля сказал, чтобы я привез его не домой в Москву, а на дачу, куда он скоро поедет прямо из больницы (цикл госпитализации подходил к концу). Но развязка наступила неожиданно. Я привез изразец в Мозжинку... но Коли там уже не было. А я себя ругаю, что не успел доставить ему это маленькое удовольствие.

В заключение хотел бы отметить удивительное жизнелюбие Воронцова, его оптимизм и даже, может быть, мужество. Ведь не все и не всегда ему в жизни удавалось. Бывали в его судьбе и трудные моменты. Жизнь ведь полосатая, как зебра, то взлеты, то падения. Но я всегда удивлялся, что ни при каких обстоятельствах он не падал духом, не паниковал, внешне даже казался спокойным. Да, я думаю, что именно внешне.

Уверен, что в этом ему очень помогала его жена, друг и соратник Елена Алексеевна Ляпунова, беззаветно его любящая, а в последние годы проявившая себя воистину героическим человеком.

Nikolai N. Vorontsov and the Moscow Zoo's Circle of Young Biologists

GEORGY G. DERVIZ

This memorial publication is devoted to the prominent scientist Nikolai N. Vorontsov, focusing on the early period of his life, his participation in the Moscow Zoo's Circle of Young Biologists. The memoir tells a lot about Nikolai Vorontsov's personal traits, his love for nature, and his life stance. The author recollects Vorontsov in the expeditions and in different life situations, and describes the last years of the scientist's life when N. Vorontsov was seriously ill.

Keywords: Nikolai Vorontsov, history of biology, memoirs, Moscow Zoo's Circle of Young Biologists.